

Информация для цитирования:

Шилкина Н. Е. Дискурс «мы-идентичность» в академических коммуникациях и группы-фавориты России XXI века / Н. Е. Шилкина, А. В. Мальцева, С. Д. Гуриева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 161—181. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-161-181.

Shilkina, N. E., Maltseva, A. V., Gurieva, S. D. (2025). “We-Identity” Discourse in Academic Communications and Favored Groups of 21st Century Russia. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 161-181. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-161-181. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Дискурс «мы-идентичность»
в академических
коммуникациях
и группы-фавориты
России XXI века**

Шилкина Наталья Егоровна
orcid.org/0000-0002-6680-703X
доктор социологических наук, доцент,
кафедра социологии молодежи
и молодежной политики,
корреспондирующий автор
n.shilkina@spbu.ru

Мальцева Анна Васильевна
orcid.org/0000-0003-1322-6255
доктор социологических наук, профессор,
кафедра социального анализа
и математических методов в социологии
a.maltseva@spbu.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна
orcid.org/0000-0002-4305-432X
доктор психологических наук, профессор,
кафедра социальной психологии
s.gurieva@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой
поддержке Санкт-Петербургского
государственного университета,
проект 124032600013-2

**“We-Identity” Discourse
in Academic Communications
and Favored Groups
of 21st Century Russia**

Natalia E. Shilkina
orcid.org/0000-0002-6680-703X
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Department of Sociology of Youth
and Youth Policy,
corresponding author
n.shilkina@spbu.ru

Anna V. Maltseva
orcid.org/0000-0003-1322-6255
Doctor of Sociology, Professor,
Department of Social Analysis and
Mathematical Methods in Sociology
a.maltseva@spbu.ru

Svetlana D. Gurieva
orcid.org/0000-0002-4305-432X
Doctor of Psychology, Professor,
Department of Social Psychology
s.gurieva@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by St. Petersburg State University,
project 124032600013-2

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается академический дискурс «мы-идентичность», закрепленный в практике авторов и читателей научных текстов как дискурсивного сообщества. Источником эмпирических данных стали тексты высоко цитируемых публикаций 2000—2024 годов базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) с лексемой *идентичность* в названии, а также наименования цитирующих публикаций и контексты цитирования. Дискурсивно-аналитический подход к исследованию позволил охарактеризовать концептуальные стратегии развертывания научного дискурса «мы-идентичность» в контексте смены групп-фаворитов российского общества, выделяя этапы: 2000—2009 годы — российская идентичность как часть общества глобализации и транскультурализма; 2010—2013 годы — российская идентичность, по-прежнему аффилированная глобальному миру, фрагментируется по социографическим признакам; 2014—2021 годы маркируется как переход от глобальной идентичности к локальной; 2022—2024 годы — переход от локальной идентичности к страновой солидарности. Установлено, что пространство российского научного дискурса «мы-идентичности» маркируется лексемами появления и смены групп-фаворитов российского общества, релевантных каждому новому периоду его самоидентификации. Сделан вывод о четырехкратной смене групп-фаворитов в научном дискурсе «мы-идентичности» XXI века: это глобальный мир, социографическая группа, регион и страна.

Ключевые слова:

академический дискурс; идентичность; группа-фаворит; речевые маркеры идентичности; лексическое пространство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the academic discourse of “we-identity,” established within the practices of authors and readers of scientific texts as a discursive community. The empirical data source comprises highly cited publications from the Russian Index of the Science Citation database published between 2000 and 2024, featuring the lexeme “identity” in their titles, along with the titles of citing publications and contexts of citation. A discursive-analytical approach to the research allows for the characterization of conceptual strategies in the unfolding of the “we-identity” scientific discourse against the backdrop of shifting favored groups within Russian society, delineating four distinct phases: 2000–2009 — Russian identity as part of a globalization and transculturalism narrative; 2010–2013 — Russian identity, still affiliated with the global community, becomes fragmented along sociographic lines; 2014–2021 — a marked transition from global identity to local identity; 2022–2024 — a shift from local identity to national solidarity. It is established that the landscape of Russian scientific discourse on “we-identity” is marked by lexemes reflecting the emergence and transition of favored groups in Russian society, relevant to each new period of self-identification. The study concludes that there has been a fourfold change in favored groups within the “we-identity” scientific discourse of the 21st century: these are the global community, sociographic group, region, and nation.

Key words:

academic discourse; identity; favored group; identity speech markers; lexical space.

УДК 81'272+81'276.6:62

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-161-181

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Дискурс «мы-идентичность» в академических коммуникациях и группы-фавориты России XXI века

© Шилкина Н. Е., Мальцева А. В., Гуриева С. Д., 2025

1. Введение = Introduction

В современных условиях, когда усложнение международных отношений становится триггером появления новых идентификаций, необходимо направить усилия социальных и гуманитарных наук на поддержание коллективных смыслов, конструктов, обеспечивающих общественное согласие, сбалансированность интересов личности, общества и государства, духовно-нравственных приоритетов.

Онтологическая сторона проблемы «мы-идентичности» российского общества в том, что, несмотря на расширяющийся выбор возможных источников самоидентификации, люди не всегда готовы и способны заменить ранее существовавшие новыми, поэтому возникают риски потери идентичности [Галактионова, 2010; Дробижева, 2008; Глостанова, 2010; Силантьева, 2012]. Эта проблема описывается лексемами негативной тональности — *полиидентичность*, *размытая идентичность*, характеризующими людей с фрагментированным сознанием, неспособных однозначно ответить на вопрос о том, кем они являются, и находящихся в поиске такого средства, которое помогло бы им вернуть свою идентичность [Салихов, 2011].

Гносеологически проблема состоит в том, чтобы эффективно использовать достижения социолингвистики в социологии и социальной психологии при изучении идентичности и находить объяснения зафиксированным речевым маркерам идентичности в динамике и потребностях социума.

В данной работе мы апробировали включение в корпус текстов для исследования не только первичных источников — текстов научных статей, а также метаданных и данных о цитированиях: названий исходных публикаций, аннотаций, ключевых слов, названий цитирующих публикаций и цитирующих предложений. Тексты научных статей являются базовой частью для анализа так же, как тексты писем в работе М. Г. Уртминцевой

[Уртминцева, 2025], текст выступления в работе Л. Г. Викуловой [Викулова, 2024], тексты чатов в работе Е. В. Тишиной [Тишина, 2025], а также тексты художественных произведений и публицистики в наших предшествующих работах [Мальцева, 2024]. Дополнение текстов статей метаданными и данными о цитированиях позволило создать корпус текстов для анализа с учетом сложившейся оценочной научной коммуникации по предмету исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для анализа избраны публикации XXI века, первоначально отсортированные в поисковой системе РИНЦ по формальным основаниям: 1) по времени поступления: «документы 2000—2024 годов»; 2) по языку публикации: «русский»; 3) по названию публикации: название содержит одно или несколько слов с корнем «идентичн*»; 4) по типу публикации: были выбраны статьи в периодических научных изданиях — «статьи в журналах»; 5) по тематикам: «социология» и «общественные науки в целом». Необходимым требованием включения статьи в выборку являлась высокая цитируемость (> 15 цитирований за исключением самоцитирования на дату сбора данных — 1 февраля 2025 года). Третье требование предъявлялось к географии и времени анализируемых событий, в результате чего на следующем этапе были отобраны статьи, посвященные исследованиям, проведенным в России и современном периоду выхода статьи.

В качестве метода был выбран дискурсивно-аналитический метод с применением вероятностного тематического моделирования [Topic ..., 2021] и сентимент-анализа [Theory ..., 2019] для создания семантического ядра из ключевых слов и оценки их тональности. В текстовый корпус для выделения ключевых слов включалось название исходной публикации; ее аннотация; ключевые слова, выделенные автором; текст публикации; названия всех цитирующих публикаций; а также контексты цитирования, то есть тексты предложений, в которых имеется ссылка на исходную публикацию. Таким образом, мы учитываем в анализе метаданные, выделенные всеми участниками дискурса.

Академический дискурс, развиваясь в той или иной содержательно-тематической области, формирует в ней смысловые пространства, находящиеся в состоянии взаимного влияния и взаимных отношений с социумом. Академический текст как часть дискурса всегда включен в ситуацию и социальный контекст и репрезентативен действительности [Кибрик, 2009]. Академический дискурс организовывается, соотносясь с социально-культурной моделью действительности, созданной его участниками на основе их знаний, чувств и предшествующего опыта [Dijk, 2008]. Участники ака-

демического дискурса имеют разные статусы и функции, но их объединяют общественно значимые цели, академические традиции и регламенты, релевантный уровень научной компетенции и владение жанром научного письма [Swales, 1990]. В настоящей работе мы исследуем научные тексты, в которых используются речевые маркеры дискурса «мы-идентичность», соответствующие последовательно происходящим социальным событиям и составляющие единое дискурсивное пространство. Основываясь на идеях Нормана Фэркло, который называет дискурс социальной практикой, воспроизводящей знания соответствующего социального института [Fairclough, 1996], мы называем *участниками академического дискурса* авторов научных текстов как адресантов и читателей, цитирующих заявленные идеи в своих работах, как адресатов, в вербальной реакции которых реализуется эффект убеждения адресанта.

Динамика высокосignифицируемых событий для отдельного человека структурируется в социальной категоризации. Применительно к дискурсу идентичности социальная категоризация подразумевает когнитивное разделение на группы на основе группового фаворитизма [Тэжфел, 1994]. Группы-фавориты являются для человека системой ориентиров для определения своего места в событиях и отношения к ним, а для исследователя — системой ориентиров в групповых настроениях, мнениях, оценках в терминах принадлежности к группе. Широкомасштабные исследования вопросов идентичности в социологии и общественных науках в целом дают актуальную информацию о возникающих и исчезающих группах-фаворитах, носителях различных моделей социальной жизни, занимающих определенное место в обществе. Тексты авторитетных авторов в этом контексте имеют высокую информационную ценность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Российский научный дискурс, воссоздающийся вокруг проблемы идентичности в рамках социологии и общественных наук, в целом является отражением преобразовательных тенденций «мы-идентичности» российского общества, которое создается авторами и репрезентируется дискурсивным сообществом. Содержательное пространство исследуемых текстов наполнено социально-историческими контекстами и концентрируется вокруг соответствующих временных периодов.

3.1. Научный дискурс 2000—2009 годов. Лексическое пространство глобализации и транскультурализма

Российские научные тексты по социологии и общественным наукам начала нулевых в российском обществе обращают внимание читателей на характерные события и явления этого периода: увеличивающуюся числен-

ность контактов в физическом и виртуальном мирах, рост туризма, миграции, расширение сетевых коммуникаций. В описаниях преобразовательных тенденций присутствуют слова-маркеры: *глобализация, глобальный мир, универсальные общегуманитарные ценности, транскультурализм, наднациональность, толерантность*.

Авторы заявляют об увеличивающейся численности контактов, об интенсивном обмене ценностями и смыслами, приводящих к формированию новых оснований фрагментации мирового сообщества. Государственные политики, как и границы, приобретают черты условности, а мир маркируется по новым основаниям. Ослабляется значение границ, но усиливается значение взаимосвязей. Общество сталкивается с вызовами социальных трансформаций и пытается выявить смыслы происходящего. Идентичность характеризуется в фокусе ее *конструирования* [Борисова, 2006], *дискурсивности* [Малинова, 2005]. Общество портретируется как всё более *терпимое* к разнообразию идентичностей, а новые идентичности в свою очередь всё более заметны в нем. В центре дискурса *новые социальные движения и группы*, которые в поисках собственной идентичности набирают влияние, *борясь за признание* в новом государстве [Дробужева, 2008].

Россия выходит из 1990-х бумом новых идентичностей, возникших в ответ на когда-то ненужные и даже блокируемые обществом. Исследователи обсуждают вопросы *конкуренции — российской и русской* идентичностей [Михайлов, 2009]. Пути поддержания новой российской идентичности в конце нулевых, после мучительного преодоления локальных внутрirosсийских конфликтов видятся дискурсантам в *наднациональности* [Бадмаев, 2009].

Наиболее цитируемой является публикация 2008 года, отражающая интерес к совмещению государственной и этнической идентичностей [Дробужева, 2008] — 254 цитирования. Ключевые лексемы этих работ — *государственная идентичность, интересы и ценности, для всех* — являются кодовыми словами популярной идеи того времени о том, что государственная идентичность, базируясь на этнической идентичности русских как большинства, должна стать привлекательной для *всех* народов России. Значение языковой единицы *все / для всех* для государственной идентичности состояло в том, что она не образовывалась ни из идентичности русских как большинства, ни из идентичности других народов России, а имела другой источник — наднациональную, глобальную идентичность, которой приписывались мощно воздействующие и объединяющие «*всех*» лексемы — *общечеловеческие ценности, универсальные ценности, общегуманитарные ценности* — и тем самым присваивалось моральное право выступать как будто арбитром над российскими этносами.

3.2. Научный дискурс 2010–2013 годов. Лексическое пространство декультурации и неокультурации

2010-е годы начинаются с дискурса множественной идентичности в контексте концепции транскультурации, оперирующей терминологией *декультурации* и *неокультурации* в смысле разрушения культур и креативности новых культурных союзов [Тлостанова, 2010 с. 142]. Российская национальная и гражданско-политическая идентичность не находит аргументов для привлечения «*всех*» и обсуждается как часть глобализирующегося мира.

В высокоцитируемых работах фиксируется противопоставление государственной идентичности как административно закреплённой в паспорте и гражданской идентичности как ценностно-когнитивного наполнения в рамках патриотических чувств [Галактионова, 2010]. Российское общество в этот момент переживает состояние, которое описывается наиболее авторитетными учеными как *затруднённая самоорганизация*, *затруднённое формирование гражданского общества* [Галактионова, 2010]. Лексемы, отражающие наполнение пространства гражданской идентичности смысловым содержанием, располагаются в нем не во взаимодополнении, а полярно. *Формальная (паспортная)* идентичность антагонистична *смысловой (ценностной)* гражданственности [Галактионова, 2010], *личностная* и *групповая* идентичность не связывается с национальной [Салихов, 2011], что отражает процесс неустойчивости позитивной национально-гражданской идентичности.

Однако потребность общества в коллективной идентичности сохраняется, и государством поддерживается новая версия коллективной идентификации, которая в научном дискурсе определяется лексемой *социография* [Замятина, 2012], которая раскрывается лексемами *молодежь* [Султанов, 2012; Титов, 2019]; *москвичи* [Вендина, 2012], *петербуржцы* [Султанов, 2012], *горожане* [Головнева, 2017], *социологи* [Сафонова, 2012], *специалисты* [Голубева, 2014]. Что касается национальной идентичности, то положение дел с ней описывается лексемой *наднациональность* [Семененко, 2016], манифестирующей идентификацию с миром в целом.

Научный дискурс начала 2010-х описывает период глобализационных ценностных сдвигов, ставящих вопрос замены национальных государств *постгосударственным будущим ключевых регионов* мира [Силантьева, 2012]. Общемировая тенденция глобализации, сопровождающая научный дискурс идентичности, способствует разрушению государственной гражданской идентичности и формированию *наднациональной* [Семененко, 2016], *глобальной* идентичности.

В 2013 году, характеризуя реальность, социологи оперируют терминами негативной тональности: *идеологический вакуум*, *ценностная неопреде-*

ленность. Однако самая популярная статья из числа изданных в этот период, которая получила 74 цитирования, не концентрируется вокруг негативной тематики, а задействует лексемы в позитивной тональности (*будущее, национально-культурная, гражданская, национальная идентичности*), подчеркивает *многообразие этнокультурных, коллективных идентичностей* во взаимодополнении, а не поляризацию смыслов [Астафьева, 2010 с. 281]. На первый взгляд, такие лексемы звучат чрезмерно оптимистично, однако именно эта публикация привлекла наибольшее внимание в дискурсе, как будто именно в ней участники дискурса чаще всего узнавали себя и свою страну так же, как личность идентифицируется по тем ценностям, нормам, моделям, героям, в которых она узнает себя.

3.3. Научный дискурс 2014—2021 годов. Лексика перехода от глобальной идентичности к локальной

В 2014 году события Крымской весны стали *тектоническим сдвигом* [Мукомель, 2016, с. 50] не только в геополитике, но и в дискурсе идентичности, начавшем свой разворот от глобальной к региональной [Егорова, 2019.]. В фокусе самых популярных публикаций номинация *«особая крымская идентичность»* [74, с. 33] в ее политической [Токарева, 2021], этнической, конфессиональной [Мукомель, 2016], культурной и языковой составляющих, объединённых вербальной формулой *«Мы — крымчане»* [Егорова, 2019. с. 373].

Нарастающие цивилизационные противоречия, международное противостояние переводят российское общество и следующий за ним научный дискурс от глобальной терминологии идентичности к локальной. Внимание исследователей и читателей привлекает языковой аспект идентичности компактно проживающих русскоязычных граждан Приднестровья, Донбасса, Латгалии [Плотников, 2018]. В дискурсе идентичности фокус внимания переводится на *родной язык* как важнейший фактор идентичности и самосознания, имеющий приоритет перед гражданской государственной принадлежностью. Приоритет родного языка настолько высок, что необходимость выбора между языком и запрещающим его государством приводит к отчуждению человека не от языка, а от государства.

В центре научного дискурса приграничные регионы России. Появляются взаимосвязанные лексемы *особость, фронтир* и *центр*. К *особым* идентичностям участники дискурса относят приграничные регионы России, его южный, восточный, западный и северный *фронтиры* — Крым, Приморье, Калининградскую и Мурманскую области. В ядре дискурса политическая лояльность населения *фронтиров*, восприятие *центра* и отношение к нему важны с точки зрения национальной и социально-экономической безопасности страны [Задорин, 2018].

Особость идентичности крымчан описывается через новые взаимоотношения между терминами *региональная идентичность* (подразумевается регион проживания) и *локальная идентичность* (имеется в виду населенный пункт проживания), а также входит в научный оборот лексема *страновая идентичность* как обозначение чувства принадлежности к стране. Крым — это единственный регион России, где *региональная* идентичность более значима, чем *локальная*, но, как отмечают участники дискурса, *региональная* идентичность более значима, чем *страновая* [Задорин, 2018, с. 111]. Само сопоставление, а тем более противопоставление определений идентичности — *региональная, локальная и страновая* — отражает различие в повестках развития регионов и государственного центра [Там же, с. 134]. Научным дискурсом распознаются проблемы, выраженные лексемами *недовольство* регионов социальными условиями и порядками [Мукомель, 2016, с. 52], *неравномерность* развития регионов [Задорин, 2018].

В целом в лексическом пространстве дискурса идентичности фиксируется замена глобальной идентичности на региональную, минуя гражданско-государственную. О том, что это является проблемой, но преодолимой проблемой, говорят лексемы, выделяющие механизмы восстановления и сохранения общероссийской гражданской идентичности: *национальное самосознание, сознание нации, общероссийский, общее прошлое, общие ценности, общее будущее* [Кузнецов, 2014], *гражданская солидарность, консолидация, национальные ценности, национальные идеи* [Верещагина, 2015], *национальное государство, гражданин* [Кравченко, 2016].

Угрозы гражданской идентичности участники дискурса вербализуют через лексемы *влияние, манипулятивные воздействия, лозунговая имитация, квазидентичность* [Верещагина, 2015], что отражает риски внешнего воздействия.

Гражданская идентичность трактуется как категория не статическая, а развивающаяся под воздействием смыслообразующих факторов. Преодоление и предупреждение рисков внешнего воздействия должно происходить через смысловое наполнение гражданской идентичности. Источники смыслового наполнения гражданской идентичности описаны лексемами со следующими значениями: 1) со значением «художественная культура» — *изобразительное искусство, музыка, литература, театр, кино* [Копцева, 2015]; 2) со значением «единство» — *общая национальная культура, историческая память, чувство причастности* каждого гражданина к настоящему, прошлому и будущему страны, осознание *единства* с российским обществом [Верещагина, 2015], *единая нация, национально-государственное устройство* [Скворцов, 2016], *идентичность гражданина своей республики в составе Российской Федерации* [Кочина, 2015. с. 257].

Дискурс перехода от глобальной идентичности к локальной наполнен семантикой восхищения в отношении достоинств какого-либо этноса. Этнос характеризуется воодушевляющими лексемами *идеал, пассионарность, знание, красота, жертвенность, победа*. В трактовке взаимоотношений этноса и нации российский дискурс данного периода воодушевляется не идеями Данилевского, Мечникова и Гумилева, а этносимволизмом Энтони Смита в том, что национальная идентичность в отличие от этнической является *искусственным конструктом* [Копцева, 2015]. Характеризуя связь этнической и национальной идентичностей, российский дискурс применяет лексемы единства и старается установить равновесие между этими категориями, говоря о том, что национальная идентичность *не оторвана* от этнической, а напротив — *включает* в себя этническую идентичность, а этническая идентичность — *часть* национального конструкта. Значение этничности подчеркивают регулярно воспроизводимые термины с приставкой этно-, при этом если лексемы *этнокультура, этноидентичность* являются общераспространенными и привычными, то вновь появившаяся и получившая авторитет *этногосударственная политическая система* прозвучала впервые и имела потенциал заместить традиционную номинацию *национальная государственность*.

Таким образом, лексика периода перехода от глобальной идентичности к локальной отражала конкуренцию этноса и нации за место в иерархии идентичностей России. Это был период, когда многочисленные этносы России могли стать связующими узлами государственного единства, реализуя *интеграционный потенциал*, или, наоборот, нести *риски центробежности*. Позитивным способом решения этого вопроса научный дискурс назвал путь преодоления факторов разобщенности и конфликтности общества, одним из которых было названо социальное неравенство. Путь преодоления социального неравенства и связанных с этим противостояний этнической и национальной идентичностей маркировался ключевыми лексемами *доступность, благоприятные условия, равенство, возможность, самореализация, активность* [Скворцов, 2016].

Наиболее популярная статья, изданная в этот отрезок времени, получившая отклик в 113 цитирований, предлагает среди всего множества путей дальнейшего развития выделять пути, маркированные следующими языковыми единицами: *формирование гражданской идентичности, наполнение гражданской ответственности, политическое, социальное, культурное и культурно-этническое содержание гражданской ответственности* [Семененко, 2016].

3.4. Научный дискурс 2022—2024 годов. Лексика перехода от локальной идентичности к страновой

В настоящее время процессы глобализации и транскulturации уходят в прошлое и требуют переосмысления в смысле общего контекста миро-

вого взаимодействия, а также взглядов на государство как социальный институт, и ключевыми становятся лексемы, обозначающие *новое*. Акцент дискурса идентичности покидают дихотомии «глобальная / локальная» и «гражданская / этническая», а в исследовательском поле формируются смысловые константы категории «идентичность», которые характеризуются как *новые*, акцентирующие *социальные* и *политические* семантики [Бугайчук, 2022а] *нового* исторического этапа развития политической системы с фокусом на *молодом* (в некотором смысле новом) *поколении* и его *гражданственности* [Бугайчук, 2022б; Маленков, 2022]. В центре дискурса прежний вопрос об основах гражданственности в *новом* мире.

Наиболее дискутируемыми и высокоцитируемыми являются дихотомии гражданской идентичности: *индивидуализм / коллективизм* [Бугайчук, 2022; Катаев, 2023]; *традиции* [Гончарова, 2022; Полежаев, 2023; Русакова, 2023] / *инновации* [Просеков, 2022]; *единение* [Виноградова, 2023; Середкина, 2022] / *локальное разнообразие* [Авксентьев, 2022; Жаде, 2022; Рыжова, 2022].

Относительно устойчивыми названы концепты гражданской идентичности — это *культура*, которая является смысловым центром идентичности и реализуется как историко-культурная *память* [Баев, 2003; Гончарова, 2022]; *патриотизм* [Казаев, 2023; Полежаев, 2024]; *межпоколенный диалог* [Баландин, 2023], а также *морально-нравственные ценности* и *просоциальность* [Бакланова, 2022; Полюшкевич, 2023]. Научный дискурс усиливает государственную ориентированность. Этничность и региональность обсуждаются с позиций не конкуренции и противопоставления, а *взаимоотношения* с общероссийской гражданской идентичностью [Середкина, 2022]. Происходит лексический переход от конкуренции идентичностей к их взаимодополнению [Авксентьев, 2022], новое *сотрудничество идентичностей* [Горлова, 2023; Тихонович, 2022] выражается термином *гибридность идентичностей*, отражающем самые разнообразные варианты смешивания идентичностей между собой и/или с общим трендом [Волков, 2022].

И приоритет научным дискурсом отдается единству индивидуальной и коллективной идентичности с общим трендом, который получает разносторонние наименования — это теоретический тренд конструирования новой идентичности, выраженный лексемами *конституциональности, законности, права* [Виноградова, 2023]; а также прикладной тренд ее конструирования, выраженный в лексике и практике *искусства* [Полюшкевич, 2022], *урбанистики* [Голомидова, 2023], *экологии* [Полежаев, 2023].

В центре дискурса текущего периода — концепты *нравственности, патриотизма* и *национальной идеи* России, отраженные в лексемах *ценностно-смысловой, духовно-нравственной* семантики [Полежаев, 2024]

(44 цитирования), а также семантика *интеграции* и *единства* нации [Середкина, 2022] (42 цитирования).

4. Заключение = Conclusions

Научный дискурс «мы-идентичности» отражает периодически возникающую благосклонность общества к той или иной группе-фавориту. Так, в научном дискурсе начиная с 2000 года определяется четырехкратная смена групп-фаворитов российского общества.

Первая группа-фаворит российского общества была зафиксирована в научном дискурсе в 90-е годы и сохраняла свою роль всё первое десятилетие XXI века, эта группа — глобальный мир. Глобальный мир идентифицировался по ключевым лексемам — *свободы, толерантность, разнообразие, наднациональность, транскультурализм, все, для всех*, слова с приставкой *обще** (*общегуманитарные, общечеловеческие*), отражающие общедоступность глобального мира для всех, разделяющих его идеи. Глобальный мир как группа-фаворит задает общемировые ценности и формирует правила поведения «для всех».

В начале 2010-х годов в российских исследованиях вырос интерес к идентичности групп, названных социографическими, среди которых сформировались группы-фавориты российского общества — молодежь, москвичи, специалисты как носители высококонкурентных свойств — высоких психофизиологических возможностей, выгодной территориальной локализации, высокой экономической эффективности и других. Однако системой ориентиров внутрироссийских групп-фаворитов по-прежнему оставались идеи и модели социальной жизни глобального мира, лексические маркеры изменения ситуации не определяются. Социографические группы-фавориты российского общества идентифицировались по аффилиации лексемам — *декультурация, неокультурация, постгосударственное будущее, глобализация*. В это же время появляются речевые маркеры, прогнозирующие проблемность сложившейся в обществе ситуации. Появились и стали популярными антагонистичные друг другу термины, с одной стороны — *размытая идентичность, фрагментированность сознания, идеологический вакуум, ценностная неопределенность*; с другой — *будущее, национально-культурная, гражданская, национальная идентичности*. Такое столкновение смыслов прогнозировало изменения как в обществе, так и научном дискурсе идентичности.

С середины 2010-х годов в центре научного дискурса — регионы России. Прежде всего это приграничные регионы и идентичности русскоязычных граждан ближнего зарубежья, а группой-фаворитом становятся локальные группы, среди которых выделяются крымчане. Крым, к которо-

му приковано внимание как общества, так и научного дискурса, выступает барометром привлекательности российской гражданственности. Исследователей и читателей интересуют оценки и мнения крымчан, их эмоции и групповые настроения. Крымская идентичность становится опорной точкой для *тектонического сдвига* — разворота России от глобальной идентичности к локальной с ее культурным и культурно-этническим наполнением. Локальные идентичности России идентифицировались лексемами, среди которых ключевой является *особость*. Особость идентифицировала локальную идентичность, этноидентичность, языковую идентичность. При этом локализованные идентичности в случае недостаточного осознания объединяющих ценностей и смыслов в перспективе своего развития могли составить конкуренцию страновой идентичности. Однако этого не произошло, потому что центр группового фаворитизма сместился в новом направлении.

В настоящее время в научном дискурсе фиксируются предпосылки того, что группой-фаворитом российского общества становятся носители нового патриотизма. Идентифицирующими являются лексемы — *новый, обновленный* в словосочетаниях *новая гражданственность, новый исторический этап, новый мир*. Новая гражданственность вытесняет из дискурса прежние конкуренции глобального против локального и национального против этнического и выводит в центр обсуждения взаимодополнения — *индивидуализм и коллективизм, традиции и инновации, единство и разнообразие*. Новое идентифицируется лексемами трех взаимосвязанных семантик. Это семантика объединения нации — *диалог, сотрудничество, интеграция, единство*; семантика ценностных принципов этого объединения — *законность, духовность, нравственность*; а также семантика, определяющая принцип взаимоотношений в новом обществе, которая маркируется ранее известным, но впервые выведенным в ранг ключевых социологическим термином — *про-социальность*. Новой группой-фаворитом могут стать носители обновленной гражданской идентичности, не противопоставляющей, а объединяющей государство и общество, гражданское и этническое.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. Авксентьев В. А. «Портфель идентичностей» молодежи юга России спустя 12 лет / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксумов // Социологические исследования. — 2022. — № 7. — С. 76—87. — DOI: 10.31857/S013216250019645-2.

2. *Астафьева О. Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации : будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 255—281.

3. *Бадмаев В. Н.* Историческая память и конструирование национальной идентичности / В. Н. Бадмаев, З. А. Хутыз // Новые технологии. — 2009. — № 4. — С. 75—79.

4. *Баев П. А.* Гражданская и национальная идентичность россиян / П. А. Баев // Социология. — 2023. — № 4. — С. 69—76.

5. *Бакланова О. А.* Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов / О. А. Бакланова, А. В. Сёмкин, В. В. Югай // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4. — С. 155—163.

6. *Баландин Д. Н.* Психологическое сопровождение процесса формирования этнокультурной идентичности подростков на основе межпоколенного диалога / Д. Н. Баландин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2023. — № 4. — С. 318—325.

7. *Бугайчук Т. В.* Гражданская идентичность молодого поколения россиян : специфика и закономерности становления / Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. — 2022. — № 1. — С. 70—80. — DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80.

8. *Бугайчук Т. В.* Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России / Т. В. Бугайчук // Мир русскоговорящих стран. — 2022. — № 1. — С. 5—22. — DOI: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22.

9. *Вендина О. И.* Московская идентичность и идентичность москвичей / О. И. Вендина // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2012. — № 5. — С. 27—39.

10. *Верещагина А. В.* Духовные аспекты формирования национальной идентичности : социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России / А. В. Верещагина, Н. Х. Гафиатулина, С. И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. — 2015. — № 3. — С. 59.

11. *Викуллова Л. Г.* Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве / Л. Г. Викуллова, О. И. Короленко, Ю. Г. Ткаченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27.

12. *Виноградова Е. В.* Об отдельных вопросах формирования российской конституционной идентичности / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев // Юридическая наука : история и современность. — 2023. — № 8. — С. 97—101. — DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47.

13. *Волков Ю. Г.* Гибридная идентичность : факторы формирования и формы проявления / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 15—23. — DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1.

14. *Галактионова Н. А.* Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности / Н. А. Галактионова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2010. — № 1. — С. 10—12.

15. *Головнева Е. В.* Региональная идентичность и идентичность региона / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2017. — Т. 12. — № 3. — С. 182—189.

16. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности : кейс города Уфы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 160—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008.
17. Голубева Г. Ф. Формирование профессиональной идентичности будущих специалистов / Г. Ф. Голубева // Alma Mater (Вестник высшей школы). — 2014. — № 9. — С. 47—49.
18. Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности / А. В. Гончарова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 134—141.
19. Горлова И. И. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации / И. И. Горлова, А. Л. Зорин // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 2. — С. 5—9.
20. Дробижьева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность : проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижьева // Россия реформирующаяся. — 2008. — № 7. — С. 214—227.
21. Жаде З. А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея / З. А. Жаде // Общество : политика, экономика, право. — 2022. — № 8. — С. 13—18. — DOI: 10.24158/per.2022.8.1.
22. Задорин И. В. Регионы «рубежа» : территориальная идентичность и восприятие «особости» / И. В. Задорин // Политика : Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2018. — № 2. — С. 102—136.
23. Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. — 2012. — № 5. — С. 151—163.
24. Катаев Д. В. Значение интересов в формировании гражданской идентичности / Д. В. Катаев, Ю. В. Караваева // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 12. — С. 47—53. — DOI: 10.24158/tpor.2023.12.4.
25. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3—21.
26. Кошцева Н. П. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Кошцева, А. В. Кистова // Философия и культура. — 2015. — № 1. — С. 12—19.
27. Кочина Е. А. Гражданская идентичность в полиэтническом регионе как элемент национальной идентичности / Е. А. Кочина // Инновационная наука. — 2015. — Т. 2. — № 6. — С. 255—257.
28. Кравченко Н. Ю. Гражданская идентичность современной России / Н. Ю. Кравченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. — 2016. — Т. 16. — № 1. — С. 5—8.
29. Кузнецов К. А. Национальная идентичность и устойчивая государственность / К. А. Кузнецов, П. А. Щелин // Сравнительная политика. — 2014. — Т. 5. — № 1. — С. 31—36.
30. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи / В. В. Маленков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2022. — № 67. — С. 120—131. — DOI: 10.17223/1998863X/67/11.
31. Мальцева А. В. Мотивация на победу в художественной и публицистической литературе о спорте / А. В. Мальцева, Н. Е. Шилкина, С. Д. Гуриева // Теория и практика физической культуры. — 2024. — № 2. — С. 84—86.

32. *Малинова О. Ю.* Исследование политики и дискурс об идентичности / О. Ю. Малинова // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 8—20.
33. *Михайлов В. А.* К дискуссии о проблеме российской идентичности / В. А. Михайлов, Н. В. Михайлова // Вестник Российской нации. — 2009. — № 5. — С. 46—57.
34. *Мукомель В. И.* Крымские татары после крымской весны : трансформация идентичностей / В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2016. — № 3. — С. 50—67.
35. *Плотников Д. С.* Языковая политика как инструмент конструирования идентичности (на примере Молдовы, Украины и Латвии) / Д. С. Плотников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2018. — № 1. — С. 60—81.
36. *Полежаев Д. В.* Нравственно-патриотическое воспитание : национально-государственный аспект становления общероссийской гражданской идентичности / Д. В. Полежаев // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. — 2024. — № 4. — С. 20—26. — DOI: 10.18101/1994-0866-2024-4-40-47.
37. *Полежаев Д. В.* Социологические аспекты "матрицы идентичности" : структурно-функциональные особенности и ценностно-смысловые константы / Д. В. Полежаев // Primo Aspectu. — 2023. — № 3. — С. 9—16. — DOI: 10.35211/2500-2635-2023-3-55-9-16.
38. *Полежаев Д. В.* Экофоские смыслы "матрицы гражданской идентичности" России в сегменте "Природа. Экология. Животный мир" / Д. В. Полежаев // Вопросы социальной теории. — 2023. — Т. 15. — С. 154—163.
39. *Полушкевич О. А.* Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках / О. А. Полушкевич // Социология. — 2023. — № 1. — С. 79—85.
40. *Полушкевич О. А.* Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе / О. А. Полушкевич // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 192—202. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202.
41. *Просеков А. Ю.* Когнитивная и региональная идентичность как основа стратегирования инновационной образовательной деятельности высшего образования / А. Ю. Просеков, Т. И. Грицкевич, М. Г. Леухова // Стратегирование: теория и практика. — 2022. — Т. 2. — № 3. — С. 304—318. — DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-304-318.
42. *Русакова О. Ф.* Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 32—51. — DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.
43. *Рыжова С. В.* Российская идентичность в региональном разнообразии : роль доверия / С. В. Рыжова // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 13—31. — DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828.
44. *Салихов Г. Г.* Проблема идентичности в условиях глобализации / Г. Г. Салихов // Век глобализации. — 2011. — № 1. — С. 122—129.
45. *Сафонова М. А.* Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов / М. А. Сафонова // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 107—120.
46. *Семененко И. С.* Политика идентичности и идентичность в политике : этнонациональные ракурсы, европейский контекст / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 4. — С. 8—28.

47. *Середкина Н. Н.* Общероссийская гражданская идентичность как фактор интеграции общества / Н. Н. Середкина // Сибирский антропологический журнал. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 125—135. — DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-2-125-135.
48. *Силантьева М. В.* Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 2. — С. 173—179.
49. *Скворцов Н. Г.* Социальное неравенство в России : вызовы национальной идентичности / Н. Г. Скворцов, А. В. Верещагина, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 10. — С. 95—102.
50. *Социальная идентичность, самокатегоризация и группа* / Дж. С. Тэрнер, П. Дж. Оукс, С. А. Хэслем, В. Дэвид // Иностранная психология. — 1994. — Т. 2. — № 2. — С. 8—17.
51. *Султанов К. В.* Социокультурная идентичность молодежи как философская проблема / К. В. Султанов, И. Б. Романенко // Общество. Среда. Развитие. — 2012. — № 1. — С. 116—120.
52. *Титов В. В.* Политические технологии формирования национально-государственной идентичности в современной России / В. В. Титов // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2019. — Т. 25. — № 3. — С. 78—83. — DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83.
53. *Тихонович М. И.* Специфика гражданской идентичности и патриотизма в современной России / М. И. Тихонович, М. С. Матвеева // Автономия личности. — 2022. — № 2. — С. 55—62.
54. *Тишина Е. В.* Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса) / Е. В. Тишина, М. А. Захарова, М. В. Калинина // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 81—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100.
55. *Глостанова М. В.* Множественная идентичность в контексте концепции транскультурации / М. В. Глостанова // Личность. Культура. Общество. — 2010. — Т. 12. — № 4. — С. 142—156.
56. *Уртминцева М. Г.* Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925)) / М. Г. Уртминцева // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 249—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266.
57. *Dijk Teun A. van.* Discourse and Context. A sociocognitive approach / Teun A. van Dijk. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — 282 p. — ISBN 978-0-511-42320-8.
58. *Fairclough N.* Technologicalisation of discourse / N. Fairclough // Texts and Practices : Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. — New York : Routledge, 1996. — Pp. 143—159.
59. *Maltseva A.* Theory of semantic field for sentiment-analysis of the language of specific users' group in social media (case of freelancer groups) / A. Maltseva, N. Shilkina, I. Tiomniy, O. Makhnytkina, I. Lizunova // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. — 2019. — № 25. — Pp. 204—210.
60. *Maltseva A.* Topic modeling of russian-language texts using the parts-of-speech composition of topics (on the example of volunteer movement semantics in social media) / A. Maltseva, N. Shilkina, E. Evseev, M. Matveev, O. Makhnytkina // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. — 2021. — № 29. — Pp. 247—253. — DOI: 10.23919/FRUCT52173.2021.9435475.

61. Swales J. M. Genre Analysis. English in academic and research settings / J. M. Swales. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 260 p.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 19.08.2025.

References

- Astafieva, O. N. (2010). Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity. *Questions of social theory*, 4: 255—281. (In Russ.).
- Avksentiev, V. A., Aksumov, B. V. (2022). “Portfolio of identities” of the youth of the South of Russia after 12 years. *Sociological research*, 7: 76—87. DOI: 10.31857/S013216250019645-2. (In Russ.).
- Badmaev, V. N., Khutyz, Z. A. (2009). Historical memory and the construction of national identity. *New technologies*, 4: 75—79. (In Russ.).
- Baev, P. A. (2023). The civil and national identity of Russians. *Sociology*, 4: 69—76. (In Russ.).
- Baklanova, O. A. (2022). The value foundations of sociocultural communication as a manifestation of the identity of social subjects. *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 4: 155—163. (In Russ.).
- Balandin, D. N. (2023). Psychological support of the process of forming the ethnocultural identity of adolescents on the basis of intergenerational dialogue. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 4: 318—325. (In Russ.).
- Bugaichuk, T. V. (2022). Civic identity of the younger generation of Russians: specifics and patterns of formation. *Socio-political studies*, 1: 70—80. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80. (In Russ.).
- Bugaichuk, T. V. (2022). The political aspect of the formation of civic identity and the features of socio-cultural transformation in modern Russia. *The world of Russian-speaking countries*, 1: 5—22. DOI: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22. (In Russ.).
- Dijk Teun, A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p. ISBN 978-0-511-42320-8.
- Drobizheva, L. M. (2008). National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. *Russia is reforming*, 7: 214—227. (In Russ.).
- Fairclough, N. (1996). Technologicalisation of discourse. In: *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. New York: Routledge. 143—159.
- Galaktionova, N. A. (2010). Civil identity as a component of personal identity. News of higher educational institutions. *Sociology. Economy. Politics*, 1: 10—12. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2022). Urban toponyms in the aspect of regional identity translation: a case study of Ufa. *Questions of onomastics*, 19 (1): 160—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2017). Regional identity and identity of the region. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, 12 (3): 182—189. (In Russ.).
- Golubeva, G. F. (2014). Formation of professional identity of future specialists. *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*, 9: 47—49. (In Russ.).
- Goncharova, A. V. (2022). Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity. *Scientific result. Social and humanitarian studies*, 8 (1): 134—141. (In Russ.).

- gorlova, I. I., Zorin, A. L. (2023). Formation and strengthening of the All-Russian identity and civic unity as priority directions of modern state policy of the Russian Federation. *Socio-humanitarian knowledge*, 2: 5—9. (In Russ.).
- Kataev, D. V., Karavaeva, Yu. V. (2023). The importance of interests in the formation of civic identity. *Theory and practice of social development*, 12: 47—53. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.4. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (2009). Mode, genre and other parameters of the classification of discourses. *Questions of linguistics*, 2: 3—21. (In Russ.).
- Kochina, E. A. (2015). Civic identity in a multiethnic region as an element of national identity. *Innovative Science*, 2 (6): 255—257. (In Russ.).
- Koptseva, N. P. (2015). The construction of ethnocultural and national identity as a philosophical problem. *Philosophy and Culture*, 1: 12—19. (In Russ.).
- Kravchenko, N. Y. (2016). Civil identity of modern Russia. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*, 16 (1): 5—8. (In Russ.).
- Kuznetsov, K. A. (2014). National identity and sustainable statehood. *Comparative Politics*, 5 (1): 31—36. (In Russ.).
- Malenkov, V. V. (2022). Patriotism, citizenship in politics and youth identity. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 67: 120—131. DOI: 10.17223/1998863X/67/11. (In Russ.).
- Malinova, O. Y. (2005). Politics research and discourse on identity. *Political Science*, 3: 8—20. (In Russ.).
- Maltseva, A. (2019). Theory of semantic field for sentiment-analysis of the language of specific users' group in social media (case of freelancer groups). *Conference of Open Innovations Association, FRUCT*, 25: 204—210.
- Maltseva, A. V., Shilkina, N. E., Gurieva, S. D. (2024). Motivation to win in fiction and journalistic literature about sports. *Theory and practice of physical culture*, 2: 84—86. (In Russ.).
- Maltseva, A., Shilkina, N., Matveev, M. (2021). Topic modeling of russian-language texts using the parts-of-speech composition of topics (on the example of volunteer movement semantics in social media). *Conference of Open Innovations Association, FRUCT*, 29: 247—253. DOI: 10.23919/FRUCT52173.2021.9435475.
- Mikhailov, V. A. (2009). On the discussion of the problem of Russian identity. *Bulletin of the Russian Nation*, 5: 46—57. (In Russ.).
- Mukomel, V. I. (2016). Crimean Tatars after the Crimean Spring: transformation of identities. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 3: 50—67. (In Russ.).
- Plotnikov, D. S. (2018). Language policy as a tool for constructing identity (on the example of Moldova, Ukraine and Latvia). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 1: 60—81. (In Russ.).
- Polezhaev, D. V. (2023). Sociological aspects of the “identity matrix”: structural and functional features and value-semantic constants. *Primo Aspectu*, 3: 9—16. DOI: 10.35211/2500-2635-2023-3-55-9-16. (In Russ.).
- Polezhaev, D. V. (2023). The ecosophical meanings of the “matrix of civil identity” Russia in the segment “Nature. Ecology. The Animal world”. *Questions of social theory*, 15: 154—163. (In Russ.).
- Polezhaev, D. V. (2024). Moral and patriotic education: the national and state aspect of the formation of the all-Russian civic identity. *Scientific Notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, 4: 20—26. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-4-40-47. (In Russ.).

- Polyushkevich, O. A. (2022). A new identity in modern patriotic cinema. *Humanitarian vector*, 17 (2): 192—202. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202. (In Russ.).
- Polyushkevich, O. A. (2023). Morality and social identity in prosocial practices. *Sociology*, 1: 79—85. (In Russ.).
- Prosekov, A. Yu., Gritskevich, T. I., Leukhova, M. G. (2022). Cognitive and regional identity as the basis for strategizing innovative educational activities of higher education. *Strategizing: theory and practice*, 2 (3): 304—318. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-304-318. (In Russ.).
- Rusakova, O. F. (2023). The discourse of the state policy of memory as a factor in the formation of national identity in modern Russia. *The discourse is Pi*, 20 (2): 32—51. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32. (In Russ.).
- Ryzhova, S. V. (2022). Russian identity in regional diversity: the role of trust. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13 (3): 13—31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828. (In Russ.).
- Safonova, M. A. (2012). Network structure and identities in the local community of sociologists. *Sociological research*, 6: 107—120. (In Russ.).
- Salikhov, G. G. (2011). The problem of identity in the context of globalization. *Century of Globalization*, 1: 122—129. (In Russ.).
- Semenenko, I. S. (2016). Identity politics and identity in politics: ethnonational perspectives, European context. *Polis. Political research*, 4: 8—28. (In Russ.).
- Seredkina, N. N. (2022). All—Russian civil identity as a factor of integration of society. *Siberian Anthropological Journal*, 6 (2): 125—135. DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-2-125-135. (In Russ.).
- Silantieva, M. V. (2012). Diffuse identity — a modern version of civic identity. *Bulletin of MGIMO University*, 2: 173—179. (In Russ.).
- Skvortsov, N. G. (2016). Social inequality in Russia: challenges to national identity. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 10: 95—102. (In Russ.).
- Social identity, self-categorization and group. *Foreign psychology*, 2 (2): 8—17. (In Russ.).
- Sultanov, K. V. (2012). Socio-cultural identity of youth as a philosophical problem. *Society. Wednesday. Development*, 1: 116—120. (In Russ.).
- Swales, J. M. (1990). *Genre Analysis. English in academic and research settings*. Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.
- Tikhonovich, M. I., Matveeva, M. S. (2022). The specifics of civic identity and patriotism in modern Russia. *Personal autonomy*, 2: 55—62. (In Russ.).
- Tishina, E. V., Zakharova, M. A., Kalinina, M. V. (2025). Attitudes Toward Ethical and Communicative Norms in Student Group Chats: Findings from a Sociolinguistic Survey. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 81—100. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100. (In Russ.).
- Titov, V. V. (2019). Political technologies for the formation of national and state identity in modern Russia. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 25 (3): 78—83. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83. (In Russ.).
- Tlostanova, M. V. (2010). Multiple identity in the context of the concept of transculturation. *Personality. Culture. Society*, 12 (4): 142—156. (In Russ.).
- Urtmintseva, M. G. (2025). Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924—1925). *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 249—266. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266> (In Russ.).
- Vendina, O. I. (2012). Moscow identity and the identity of Muscovites. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical*, 5: 27—39. (In Russ.).

- Vereshchagina, A. V., Gafiatulina, N. H., Samygin, S. I. (2015). Spiritual aspects of the formation of national identity: a sociological analysis of threats to social health and spiritual security of Russia. *Engineering Bulletin of the Don*, 3: P. 59. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. (2024). Discourse of Self-Presentation in Academic Communicative Space. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 9—27. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27> (In Russ.).
- Vinogradova, E. V. (2023). On certain issues of the formation of the Russian constitutional identity. *Legal science: history and modernity*, 8: 97—101. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47. (In Russ.).
- Volkov, Yu. G., Kurbatov, V. I. (2022). Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. *Humanities of the South of Russia*, 11 (2): 15—23. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1. (In Russ.).
- Zadorin, I. V. (2018). Regions of the “frontier”: territorial identity and perception of “specialness”. *Politics: Analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 2: 102—136. (In Russ.).
- Zamyatina, N. Y. (2012). Territorial identities and social structures. *Social Sciences and modernity*, 5: 151—163. (In Russ.).
- Zhade, Z. A. (2022). Identity politics in the regional dimension: the case of the Republic of Adygea. *Society: politics, economics, law*, 8: 13—18. DOI: 10.24158/pep.2022.8.1. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 19.08.2025.*

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Людмила Александровна Морина, канд. филол. наук (Новосибирск)
Римма Абельхаеровна Сафина, канд. филол. наук (Казань)
Тимур Эрмекович Алимов, преподаватель (Фергана, Узбекистан)